

ВЪСТАНКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ДРУЖИНА

Горно-златойскій
на. им. Императорской
Академіи наукъ
Горно-златойскій

ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 8-Я.

АВГУСТЪ, 1903

ПЕТЕРБУРГЪ.

Искр. ШАРПАНЪ

№ 511/610

ВЪ СТЕПЯХЪ И ПРЕДГОРЬЯХЪ А Л Т А Я

Р А В С К А З Ъ И З Ъ Ж И З Н И П Е Р Е С Е Л Е Н Ц Е В Ъ .

Шрамковскій переселенческій поселокъ, широко раскинувшийся по берегу степной рѣчки Краснухи, переживалъ тревожные дни: ближайшее будущее сулило ему то печальное положеніе, которое на канцелярскомъ языкѣ носитъ названіе „выдворенія“, т.-е. полное уничтоженіе поселка съ насильственнымъ выводомъ изъ домишекъ воющихъ бабъ и ребятишекъ, ломкою печей, крышь, всего того, что можно сломать и, въ видѣ финала, съ „раскатываньемъ“ по бревнамъ этихъ самыхъ домишекъ, служащихъ переселенцамъ въ настоящее время единственнымъ кровомъ.

Не долга была исторія Шрамковского поселка, но имъ уже пережито многое, что тяжелымъ гнетомъ легло на душу его обитателей и создало для нихъ жизнь, полную случайностей, тревогъ и разнообразнѣйшихъ опасеній. Но ихъ настроеніе далеко не было отчаяніемъ, а скорѣе выраженіемъ настойчиваго, несокрушимаго, почти тупого упрямства. Ихъ отношенія ко всему окружающему носили боевой характеръ, а сами они находились въ состояніи постоянного напряженія и подозрительности. Увѣренность въ собственной правотѣ давала имъ силы стойко выдерживать всѣ сыпавшіяся на ихъ головы, какъ изъ рога избылія, невзгоды и отражать натиски ближайшихъ сосѣдей—старожилонъ села Свинцовскаго, что какъ разъ противъ поселка,

на другомъ берегу Краснухи, черезъ которую перекинуть даже мостикъ, какъ бы связывающій въ одно двѣ враждующія деревни—старожиловскую и „рассейскую“.

Не болѣе трехъ лѣтъ назадъ, на мѣстѣ теперешняго поселка поставилъ землянку отпускной солдатъ Иванъ Шрамковъ, выходець откуда-то изъ тамбовской или пензенской губерніи. Поселился онъ тутъ далеко не „самовольно“, а напротивъ, съ соблюденіемъ всѣхъ тѣхъ формальностей, какія выработала для подобныхъ случаевъ мѣстная канцелярская волокита. Но, кажется, именно это обстоятельство и способствовало особой рѣзкости отношеній, какія впоследствии установились между старожилами села Свинцовскаго и сначала Шрамковымъ, а потомъ цѣлымъ поселкомъ переселенцевъ.

Старожилы прежде всего были обижены тѣмъ, что Шрамковъ при своемъ поселеніи совершенно ихъ игнорировалъ, предпочитая въ этомъ случаѣ имѣть дѣло съ начальствомъ.

— Ты, парень, ежели желаешь избу поставить у самаго селенія, должнъ спервоначалу придти къ обществу, у общества спросить, дозволить оно тебѣ тутъ жить или нѣтъ, — говорили свинцовскіе старожилы, когда узнали, что онъ думаетъ строиться за рѣкой, противъ самаго селенія.—А ты, ровно дурной какой, ломишь себѣ, не спросившись, землянуху зачалъ копать... Нешто этакъ-то порядокъ? Ты спрости: можетъ, намъ ты тутъ и ненуженъ вовсе...

Шрамковъ сначала пробовалъ разъяснить свинцовскимъ, что, собственно, онъ тутъ ни при чемъ, такъ какъ селиться разрѣшило ему начальство, которое лучше знаетъ, гдѣ можно селиться и гдѣ нельзя.—„Живи, говоритъ, Шрамковъ,—передавалъ онъ свои разговоры съ начальствомъ:—тутъ мѣсто для тебя удобное, свободное, никто тебя не потронетъ“. Я ему сказываю: „Свинцовскіе, молъ, обижаются, съѣзжать велятъ“. А онъ, рендатель-то ¹⁾, мнѣ на то: „Ничего твои свинцовскіе не потрогають. Ты меня слушай; тутъ, сказывается, я хозяинъ, потому земля эта выходитъ казенная“.

— Самъ твой рендатель много понимаетъ! Ему бы только шары водкой залить да накричать на человѣка, а то и въ рыло заѣхать! „Рендатель“! „Не слушай свинцовскихъ“! А того онъ не знаетъ, что выспимъ начальствомъ степь-то эта вся представлена свинцовскимъ да четверинскимъ крестьянамъ, еще когда

¹⁾ Чиновникъ, завѣдующій казенными оброчными статьями и сдающій ихъ въ аренду.

въ Пальчиковскомъ рудникѣ приставомъ былъ покойный Иванъ Васильевичъ, царство ему небесное! Онъ и хлопоталъ за насъ.

— Это за что же такъ?—спрашиваетъ Шрамковъ.

— А за то, дурья твоя голова, что когда еще въ обязательномъ трудѣ на заводахъ мы были, такъ руду да уголь этой степью возили, такъ намъ степь-то нужна была для прокорму коней. За это за самое она намъ и дадена, степь-то... и бумага была... А то „не слушай свинцовскихъ“—ишь что придумалъ, умная тоже головушка! Нѣтъ, другъ, ты допрежде общество спроси, а общество тебѣ скажетъ: „не надобенъ ты намъ тутъ, уходи отъ насъ, пока до грѣха не дошло“!

Шрамковъ—бойкій и неглупый мужикъ, и его первое время не могли не смущать эти разговоры старожиловъ и ихъ требованія. Какъ ни вѣрилъ онъ въ могущество „квитанціи“, выданной ему тѣмъ же чиновникомъ и удостоверяющей, что съ него, Шрамкова, полученъ цѣлковый за аренду на Дергачевской степи одной десятины подъ усадьбу, тѣмъ не менѣе бросилъ работу, запрягъ свою единственную лошаденку въ телѣгу и поѣхалъ къ чиновнику, жившему верстъ за сто, выяснитъ возникшее недоразумѣніе. Тотъ его успокоилъ, что никакого недоразумѣнія тутъ нѣтъ, что по этому берегу Краснухи вся степь казенная; крестьянскія же земли—на другомъ берегу, гдѣ и деревни ихъ находятся. На степи же разрѣшено пахать и старожиламъ только за плату, а они не хотятъ платить аренды; не хотятъ платить и свинцовскіе крестьяне. Не имѣютъ-де они права и стѣснять Шрамкова и требовать, чтобы онъ убрался со степи; если онъ, чиновникъ, разрѣшилъ ему селиться, то онъ можетъ быть спокойнымъ—его никто не пошевелитъ. Шрамковъ все это подробно разспросилъ, понялъ и успокоился. Вернувшись домой, онъ снова взялся за лопатку и продолжалъ рыть себѣ на зиму жилище въ землѣ. Не замедлили явиться старожилы и завели разговоръ издали.

— Ты чего же это, парень, дѣлаешь тутъ?—спрашиваютъ они, обращаясь къ Шрамкову.

— Видишь чего: дворецъ себѣ кладу, будетъ на трехъ жердахъ съ подъездомъ! — шутить тотъ, поплеывая себѣ на руки и глубже загоняя лопату въ землю.

— Дворецъ и есть, небомъ будетъ крытъ, бѣлымъ свѣтомъ огороженъ,—замѣчаетъ одинъ изъ свинцовскихъ съ кривой усмѣшкой.

— Вотъ-вотъ, правильно говоришь. Какъ есть „небомъ

крыть, бѣлымъ свѣтомъ огорожень“.—Это ты вѣрно сказалъ,—отпучивается Шрамковъ.

Помолчали. Шрамковъ продолжаетъ копать землю, а старожилы смотрять на его работу.

— Сказываютъ, ты къ рендателю бѣгаль? — возобновляется черезъ нѣкоторое время бесѣда.

— Бѣгаль.

— Ну?..

— Вотъ тебѣ и ну...

— Чего занукаль-то?—Ты толкомъ сказывай, коли тебя добромъ спрашиваютъ:—рендатель-то тебѣ чего говорилъ?

— А того и говорилъ, что свинцовскіе, моль, дураки...

— Самъ ты дуракъ, нечесанная башка!

— Вы хороши!

— Поговори еще! Вотъ какъ начнемъ тебѣ башку расчесывать, такъ узнаешь, хороши ли!

Шрамковъ не возражаетъ, и разговоръ вновь прерывается на время.

— Тебя толкомъ спрашиваютъ, чего ты тутъ дѣлаешь; должнъ ты и отвѣчать толкомъ,—обращается къ Шрамкову одинъ изъ свинцовскихъ крестьянъ.

— Я и сказывалъ тебѣ—землянуху рою,—спокойно отвѣчаетъ Шрамковъ.

— Видимъ, что землянуху... Да ты только у кого спросилъ рыть тутъ? — Кто тебѣ дозволеніе-то далъ въ непоказанномъ мѣстѣ землянуху рыть? Ты то скажи...

— А вотъ тотъ и далъ... Тебя не спросилъ, — огрызается Шрамковъ.

— Вижу, что не спросилъ... А ты рыть не моги тутъ! Тебѣ было сказано: ты намъ не надобенъ... Уходи себѣ, а землю рыть тутъ не моги—не дозволяетъ общество.

— Ступай къ рендателю, съ нимъ и разговаривай, а со мной нечего лаяться: у меня отъ рендателя фитокъ ¹⁾ имѣется.

— Ты его что шибко залюбилъ? Ты и ступай съ нимъ разговаривать, а намъ онъ ни къ чему... А вотъ тебѣ сказано было, чтобъ ты убирался отсюда,—ты и убирайся!

— Ну, ладно, будетъ ужъ, слышали!.. цѣдить сквозь зубы Шрамковъ и продолжаетъ рыть землю, сильными взмахами заступа выкидывая ее на поверхность.

Нерѣдко подобныя бесѣды переходили въ озлобленную, крик-

¹⁾ Квитанція.

ливую брань, пересыпанную поминованиями родителей и разнообразными угрозами и пожеланіями, болѣе или менѣе нелѣпными и жестокими. Если пока дѣло не доходило до формальной потасовки и сивяковъ, то это нужно объяснить огромнымъ самообладаніемъ и терпѣніемъ Шрамкова, да тѣмъ, что онъ не ходилъ въ Свинцовское, гдѣ былъ кабакъ и гдѣ, слѣдовательно, всякая перебранка имѣла болѣе шансовъ перейти къ рукопашному разрѣшенію спорнаго вопроса.

Подъ шумъ словесныхъ упражненій подобнаго рода, то добродушно-язвительныхъ, то грубыхъ и оскорбительныхъ, Шрамковъ не только успѣлъ довести до конца постройку своего „дворца“, но и „присѣять полдесятины мѣста“ разнымъ хлѣбомъ. Раза два „бѣгалъ“ онъ къ своему „чиновнику“, но толку изъ этого не вышло никакого: „чиновникъ“ обѣщаль лично побывать въ Свинцовскомъ и уладить недоразумѣнія на мѣстѣ, но не поѣхаль, а послалъ за себя объѣздчика, который, основательно попьянствовавъ у свинцовскихъ крестьянъ и получивъ отъ нихъ все, что установлено мѣстнымъ обычаемъ, укатилъ обратно, пригрозивъ Шрамкову за „пустое безпокойство начальства“. Послѣ этого, приставаыя свинцовскихъ стали настойчивѣе, а въ ихъ рѣчахъ чаще и чаще упоминались „ноги“, „ребра“, „башка“ Шрамкова, которыя необходимо „переломать“, „поставить задомъ напередъ“ и т. п., а избушку его сравнять съ землею.

Хотя Шрамковъ и завелъ себѣ дробовикъ и рѣшительнымъ тономъ объявилъ „свинцовскимъ ребятамъ“: „ежели который изъ васъ близко подойдетъ къ моему дому, того тутъ и положу на мѣстѣ, не посмотрю ни на что!“ — „и полыхнулъ бы, видить Господь, полыхнулъ бы!“ — рассказывалъ онъ впоследствии объ этомъ эпизодѣ, — тѣмъ не менѣе онъ хорошо понималъ, что ему одному не выдержать борьбу съ многочисленнымъ сосѣдомъ. Нужно было на что-нибудь рѣшиться, тѣмъ болѣе, что онъ уже обжился тутъ и дорожилъ своей „усадебой“, которая стоила ему столькихъ трудовъ и безпокойствъ. Бросать все это не было никакого резона; гораздо лучше попытаться образовать тутъ цѣлое селеніе, завести „рассейскій“ поселокъ; — тогда можно будетъ противопоставить силѣ свинцовскихъ „ребятъ“ свою „рассейскую“ силу: и свинцовскіе тогда присмирѣли бы, да и жить „сумѣстяхъ“ было бы „куда веселѣе“. Мѣсто для поселка подходящее, вотъ только луговъ на степи нѣтъ, такъ можно было бы косить и на той сторонѣ Краснухи, въ Пальчиковской дачѣ, гдѣ „сѣнныхъ покосовъ страсть сколько, а то, еще лучше, у

свинцовскихъ: потому они и третьей части своей травы не выкашиваютъ, да и косить-то толкомъ не умѣютъ“,—разсуждалъ Шрамковъ.

Напавъ на эту мысль, Шрамковъ уже не могъ не попробовать осуществить ее, и поѣхалъ къ завѣдывавшему степью чиновнику. Тотъ одобрилъ его соображенія и благословилъ съ своей стороны на доброе дѣло.

— Сели, братецъ, сколько хочешь, — запрещать не буду, пусть только аренду исправно мнѣ платятъ, а потомъ можно будетъ хлопотать о форменномъ поселкѣ, — такъ передавалъ Шрамковъ свою бесѣду съ „рендателемъ“.

Не успѣлъ онъ возвратиться домой, какъ по степи „пошелъ слухъ“ о зарождающемся переселенческомъ поселкѣ на Шрамковской заимкѣ, и туда потянулись телѣги „ищущихъ землицы“. Шрамковъ началъ „приглашать“ ихъ селиться возлѣ него, и въ немного дней точно по волшебству выросла возлѣ еще недавно сиротливо-одинокой землянки—цѣлая деревня такихъ же землянокъ, дощатыхъ и холщевыхъ балагановъ и легкихъ шалашей изъ древесныхъ вѣтокъ или просто опрокинутыхъ телѣгъ, прикрытыхъ какой-то рванью. Кругомъ закипѣла бойкая жизнь строительства. Съ каждымъ днемъ прибывали все новые и новые переселенцы и „садились на землю“ съ разрѣшенія Шрамкова, которое давалось имъ не иначе, какъ послѣ продолжительнаго торга и уплаты въ его пользу извѣстной мзды.

— Мнѣ нельзя не взять, — оправдывался Шрамковъ, — потому я обыскалъ это мѣсто, да сколько изъ-за него битвы принялъ... Я, можетъ, сколько тысячъ исходилъ, пока на него наткнулся... А ему что, вы думаете, жаль рубля, либо тамъ двухъ? Онъ радъ и больше дать, только ты ему хорошее мѣсто укажи да дозволи селиться. Ежели бы я кого избидѣлъ, а то о нихъ же хлопочу, — прибавлялъ онъ, кивая головой въ сторону возводившихся землянокъ.

„Они“ же, т.-е. всѣ остальные переселенцы, не только платили Шрамкову за „дозволеніе жить“, но и совершенно подчинялись ему, признавъ за нимъ исключительную власть надъ собою. И онъ чувствовалъ себя хозяиномъ строящагося поселка: указывалъ, гдѣ селиться тому или другому, назначалъ улицы, площади, давалъ разрѣшеніе поселиться въ поселкѣ, разбиралъ возникавшія между переселенцами недоразумѣнія и проч. Особенно возросло его значеніе въ поселкѣ, когда „чиновникъ“, „для удобства надзора за арендаторами“ поселка, назначилъ его объѣзчикомъ. Если и ранѣе всѣ вновь прибывающіе переселенцы пред-

почитали имѣть дѣло по арендѣ съ Шрамковымъ, чѣмъ самимъ тащиться за сто верстъ къ чиновнику для уплаты ему за усадьбу рубля и для полученія „квитка“, этого единственнаго доказательства правъ переселенца на землю, то теперь сношенія черезъ Шрамкова получили какъ бы узаконеніе свыше.

Прошло мѣсяца два, и Шрамковскій поселокъ—это имя такъ и упрочилось за нимъ—разросся въ большое поселеніе, дворовъ около двухсотъ-пятидесяти, привольно размѣстившихся по степи. Среди переселенцевъ преобладало доброе, если не веселое настроеніе. Что же касается самого Шрамкова, то онъ счумѣлъ воспользоваться всѣми выгодами своего положенія и основательно поправилъ свои дѣла.

— Кромѣ худенькаго полшубка на ѣмъ не было, а теперь, поглядика-съ, сколько всякаго добра завелъ!—говорили по этому поводу шрамковцы, кто добродушно, а многіе съ нескрываемой завистью и примѣсью злобы.—Ему што!—прибавляли послѣдніе:—знай себѣ обчищай нашего брата-дурака да ѣзди къ чиновнику... Этакъ-то и всякій счумѣеть.

Дома, однако, Шрамковъ себѣ не ставилъ, продолжая жить все въ томъ же „дворцѣ“, въ ожиданіи, когда вопросъ о поселкѣ будетъ окончательно разрѣшенъ. Теперешнее положеніе арендаторовъ не давало увѣренности въ будущемъ, даже въ ближайшемъ. Примѣру Шрамкова слѣдовали и нѣкоторые другіе изъ тѣхъ, кто могъ бы хорошо обстроиться; большинство же смотрѣло на дѣло иначе и спѣшило строиться и обзаводиться хозяйствомъ, видя въ этомъ вѣрнѣйшій залогъ прочности поселка.

— Да неужто же стануть зорить теперь такое селеніе?—говорили они.—Ты посмотри, братецъ, какіе теперь дома понастроили, такъ можетъ ли быть, чтобы все это ломать приказали да выѣзжать отсюда? Тоже и начальство что-нибудь да понимаетъ—не станеть же зря народъ зорить!

А вопросъ о разрѣшеніи Шрамковскаго поселка не только не подвигался впередъ, но болѣе и болѣе запутывался и осложнялся.

Слухъ о новомъ поселкѣ на мѣстѣ Шрамковской заимки, а затѣмъ и появленіе на ней все новыхъ переселенцевъ, потянувшихся туда, какъ мухи на медъ, и селившихся тамъ, не обращающая никакого вниманія на свинцовскихъ крестьянъ,—все это не могло не взволновать старожиловъ селенія Свинцовскаго, совершенно правильно усмотрѣвшихъ въ этихъ фактахъ начало конца ихъ безраздѣльнаго господства надъ степью.

Прежде всего они „бросились“ къ чиновнику, дававшему Шрамкову и другимъ переселенцамъ разрѣшеніе селиться на Дергачевской степи. Но съ нимъ „разговоръ былъ короткій“, хотя для нихъ достаточно убѣдительный, что „тутъ ничего-то, братецъ ты мой, не подѣлаешь“. Еслибы спросить: почему?—то можно бы отъ нихъ услышать такой отвѣтъ:

— Да, видишь ли, очень ужъ онъ заступаетъ за *ихъ*, не дасть тебѣ слова сказать—сейчасъ начнетъ реветъ, ровно бугай...

Тогда они „побѣгли“ въ Пальчиковскій рудникъ, къ Евлампію Ѳедоровичу Макарову, старому повытчику, просить его „указать имъ путикъ“, какъ выжить непрошенныхъ гостей, что у нихъ за рѣкой поселились. Макаровъ, нѣкогда служившій по горному вѣдомству землемѣромъ и съѣвшій зубы на кляузничествовъ, въ свое время „претерпѣлъ“ за лихоимство, а теперь занимался „частной практикой“, т. е. писаньемъ деревенскому и рудничному населенію всевозможныхъ жалобъ, кляузъ и доносовъ, чѣмъ и „питался“. Онъ пользовался репутаціей „доки“ и „дѣляги“, охотно берущагося за любое темное дѣло, которое онъ умѣлъ такъ ловко запутать, втянувъ въ него возможно большее число лицъ и учреждений, что потомъ требовалось много лѣтъ для примиренія враждующихъ сторонъ. Это былъ типичный представитель дореформенной Сибири, какихъ и теперь еще не мало по глухимъ уголкамъ края.

Макаровъ не сталъ „реветъ“ на свинцовскихъ, а говорилъ съ ними тихо и вкрадчиво, понемногу растравляя накипавшія въ нихъ чувства къ Шрамкову, другимъ переселенцамъ и къ чиновнику, сдавшему имъ землю. Постепенно онъ утвердилъ ихъ въ мысли, что не только чиновникъ сдалъ землю незаконно, но что можно даже выхлопотать, чтобы переселенцевъ со степи „убрали вовсе“, для чего необходимо написать туда-то да „сбѣгать въ губернію“ къ одному человѣчку—„тотъ все обладить“. Но для этого нужны деньги, потому что „безъ денегъ что же сдѣлаешь; вездѣ нужно дать, безъ этого нельзя, сами понимаете“.

Послѣ переговоровъ и совѣщаній, неоднократныхъ поѣздокъ въ Пальчиково къ Макарову и интимныхъ съ нимъ бесѣдъ, свинцовское общество избрало довѣреннаго, котораго направило сначала въ Гадюкинскій рудникъ, гдѣ жилъ „особый“¹⁾, а затѣмъ—въ губернію. Макаровъ „для перваго случая“ написалъ только три „бумаги“, изъ которыхъ каждая заключала въ себѣ „слезницу“ на притѣсненія свинцовскихъ переселенцами и доносъ на

¹⁾ Такъ называютъ въ этой мѣстности чиновника по крестьянскимъ дѣламъ.

кого-нибудь изъ мѣстной администраціи по дѣлу, не имѣющему никакого отношенія къ „злобѣ дня“ свинцовскихъ крестьянъ, — въ родѣ того, что помощникъ лѣсничаго избидѣлъ попову кухарку. Это былъ обычный приѣмъ „адвокатской практики“ Макарова: „пусть теперь повернется другъ любезный!“ — говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ.

Жалобы Макарова и посылка довѣреннаго, очевидно, возмѣнили свое дѣйствіе, и губернія, что называется, пошла писать во всю. Этому много способствовали и сами шрамковцы, пославшіе въ свою очередь Шрамкова и другого переселенца Портянкина въ городъ, „хлопотать объ участіи“. На Шрамковскій поселокъ и селеніе Свинцовское посыпались, какъ изъ рога изобилія, всевозможныя „требованія“, „справки“, „дознанія“, „разслѣдованія“, „составленіе списковъ“, и пр., и пр., что только изобрѣтено канцеляріей, для которой жизнь деревни есть лишь отраженіе листа бумаги за №. Бумажныя требованія чередовались съ наѣздами властей — отъ своихъ волостныхъ начальниковъ до „подземельнаго генерала“. А такъ какъ все это „начальство“, начиная съ самаго низшаго — объѣздчика и старшины, принадлежало къ различнымъ учрежденіямъ и вѣдомствамъ, смотрѣвшимъ съ разныхъ точекъ зрѣнія на многіе мѣстные вопросы, въ томъ числѣ на земельный и переселенческій, то между наѣзжавшими лицами не могло не возникнуть разногласій, переносившихся и въ самыя учрежденія, — а это неизбѣжно приводило къ тому, что съ давнихъ поръ извѣстно подъ именемъ „пререканія властей“, т. е. къ положенію, при которомъ всякое дѣло тормозится или получаетъ уродливую форму. Ближайшими выразителями такого „разномыслія властей“ на мѣстѣ являлись объѣздчикъ и писарь со старшиной, а нѣсколько повыше — все тотъ же „ревдатель“, благодаря разрѣшенію котораго возникъ поселокъ, почему онъ волей-неволей вынужденъ былъ „держатъ руку“ переселенцевъ, и „особый“, ставшій, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, на сторону старожиловъ.

О прежнихъ добродушно-ворчливыхъ перебранкахъ, какія иногда велись между свинцовскими и шрамковскими жителями, теперь не было и помину; — ихъ замѣнила открытая война, весьма богатая вражескими наѣздами, схватками и если не человѣческими жертвами, то многочисленными и разнообразными членовредительствами. Свинцовскіе подвергли поселокъ правильному и систематическому бойкоту, подъ тяжестью котораго стонали переселенцы, не будучи въ силахъ противопоставить ему хоть что-нибудь, кромѣ всевыносящаго русскаго терпѣнія.

Переселенцы, не успѣвшіе еще обзавестись не только хозяйствомъ, но часто и просто какой-нибудь кровлей, которая прикрывала бы ихъ ребятишекъ отъ дождя и холода, въ первое время поселенія нуждались рѣшительно во всемъ. Имъ нуженъ былъ и хлѣбъ, и сѣно, и дѣсь на постройку, и какой-нибудь гвоздь или веревка. Прежде же всего нужно было хоть какое-нибудь жилище, хоть яму въ землѣ, гдѣ можно было бы укрыться отъ непогоды; но и для устройства ямы требовался и заступъ, и жерди, и многое другое, чего со стороны даже и незамѣтно. Но этими, такъ сказать матеріальными заботами не исчерпывались ихъ нужды: у одного ребенокъ „десять дѣнь животомиъ маялся и померъ, Господь знаетъ, съ чего“ — ему нужно удостовѣреніе старосты „для преданія землѣ“ младенца; другому требуется засвидѣтельствовать повѣстку, безъ чего не выдадутъ на почтѣ двухъ цѣлковыхъ, присланныхъ „сродственниками“ изъ дому; тому нужно справку для попа о годахъ дочери, которую онъ выдаетъ замужъ; этому — приложить печать къ довѣренности, которою шрамковцы уполномочивали его идти въ городъ и хлопотать объ участкѣ, и т. д., и т. д. Многочисленны и разнообразны были эти нужды, обступавшія каждаго переселенца съ перваго же дня его появленія на „новомъ мѣстѣ“. За очень многими изъ нихъ шрамковцамъ приходилось обращаться въ ближайшее старожиловское селеніе, т.-е. въ Свинцовское, гдѣ былъ и староста, который одинъ только и могъ, гдѣ требуется, „приложить печать“; были и лавочки, торговавшія „крестьянскимъ товаромъ“; тутъ же можно было купить у „богатенькихъ“ и муки, и овса или сѣна, и всего, что нужно. А главное, въ Свинцовскомъ можно было наняться на работу и „зашибить малую толику дѣвги“, т.-е. получить именно то, въ чемъ каждый переселенецъ такъ сильно нуждался. Все это могло бы дать переселенцамъ Свинцовское, но его жители именно тутъ-то и прижали шрамковцевъ, да такъ, что тѣ не знали въ первое время, что и дѣлать.

— Что есть, дыхнуть не даютъ, проклятушіе, какъ есть — дыхнуть не даютъ! — жаловались они на свинцовскихъ крестьянъ каждому, съ кѣмъ только встрѣчались, и кто обнаруживалъ хоть малѣйшее желаніе ихъ выслушивать.

Средства „прижимки“, употреблявшіяся старожилами въ примѣненіи къ своимъ сосѣдямъ, были весьма разнообразны.

Свинцовское „общество“, руководимое въ этомъ случаѣ пятью-шестью „могучими“ мужиками, постановило рядъ приговоровъ, которыми опредѣлялись его отношенія къ переселенцамъ Шрам-

ковскаго поселка. Этими приговорами они такъ „обставили“ переселенцевъ, что положеніе тѣхъ стало далеко не изъ легкихъ.

Никто изъ жителей Свинцовскаго отнынѣ не имѣлъ права пускать къ себѣ на квартиру переселенца, какую бы тотъ ни давалъ плату, какъ бы ему ни была необходима квартира въ виду приближавшейся зимы. Никто не могъ ни для какихъ работъ нанять переселенца, какъ бы онъ ни нуждался въ его услугахъ. Нельзя ничего продавать шрамковцамъ—ни топора, ни муки или сѣна, веревки или жерди—ничего. Старостѣ и писарю было „строго-на-строго заказано“ шрамковцамъ никакихъ справокъ не давать, жалобы отъ нихъ „не примать“, „печать нигдѣ не прикладывать“. Ежели шрамковская скотина попадетъ въ свинцовскую „грань“, — „безпремѣнно штрафовать“ хозяевъ, и т. д.

Каждое такое требованіе обусловливалось соотвѣтствующимъ крупнымъ денежнымъ штрафомъ въ случаѣ его нарушенія, и никто изъ свинцовскихъ, ни староста съ писаремъ, не рѣшались ослушаться „обчества“ и неуклонно выполняли всѣ подобныя требованія. Единственное исключеніе составлялъ старикъ Ляпуновъ, рѣшавшійся иногда потихоньку отъ своихъ продать шрамковцу пудикъ-другой муки; но и тотъ постоянно опасался, какъ бы кто не узналъ.

И шрамковцы, что называется, „взвыли“! Теперь имъ за всякимъ пустякомъ приходилось „гонять“ версть за двадцать-пять, тридцать, а то и дальше. Пришлось подыскивать подставныхъ лицъ, черезъ которыхъ можно было бы купить у свинцовскихъ сѣна, которымъ тѣ „торговали на всю округу“; вмѣсто старосты, обращаться въ волость, гдѣ встрѣчали ихъ далеко не любезно и посылали „ко всѣмъ чертямъ“, не хуже свинцовскаго старосты; случалось, засаживали въ католажку, а бывало и хуже—„растягивали“...

— Это у насъ просто дѣлается, — разъяснялъ волостной писарь недоумѣвающимъ чиновникамъ изъ тѣхъ, что наѣзжали по „шрамковскому дѣлу“:—растянуть, да и съ концомъ!

— Да за что же?

— Не беспокойтесь: *они* отлично знаютъ, за что!

Шрамковцы постоянно чувствовали себя въ положеніи людей, находящихся въ осадѣ. Забрела переселенческая лошадь на „грань“ свинцовскихъ,—тѣ живо ее загоняли въ селеніе и держали ее голодною, пока не явится ея хозяинъ и не уплатить обществу выкупа. Они хорошо знаютъ, что хозяинъ непременно придетъ, и тотъ дѣйствительно приходитъ къ старостѣ и про-

силь возвратить ему „животъ“. Наругавъ его достаточно, староста садить его въ „холодную“, каковую замѣняетъ его, старостинъ, амбаръ, — „въ яму“, говорятъ шрамковцы.

— Да я что же сдѣлалъ, Иванъ Парфенычъ? Ослобоните— дома работа ждетъ, — просить переселенецъ.

— А вотъ посидишь до вечера, такъ и узнаешь, что сдѣлалъ, — отвѣчаетъ староста, толкая его въ загривокъ и водворяя въ амбаръ.

Вечеромъ его освобождаютъ изъ „ямы“, онъ получаетъ злополучную лошадь, сутки остававшуюся голодною и въ работѣ, и уходитъ домой, самъ голодный и обозленный, оставивъ „обществу выкупъ“ въ формѣ полуведерка водки.

Не всегда, впрочемъ, такъ благополучно кончаются для шрамковцевъ чуть не ежедневно возникающія „дѣла о потравѣ“: случается, что онъ возвращается домой не только безъ полшубка, который оставленъ цѣловальнику за купленную обществу водку, но еще и избитымъ, въ разорванной рубахѣ, безъ шапки.

Для возникновенія подобныхъ дѣлъ особенныя удобства представляетъ „верхній конецъ“ поселка, почти вплотную примыкающій къ заимкѣ волостного засѣдателя, Кузьмы Ивановича Чуманова. Чумановъ не принадлежитъ къ свинцовскому обществу: онъ „бергалъ“, „обуватель“ Пальчиковскаго рудника. Тѣмъ не менѣе ему также мѣшаетъ Шрамковскій поселокъ, такъ какъ онъ хорошо понимаетъ, что ему придется бросить свою заимку, которая не можетъ не отойти въ дачу поселка, если послѣдней будетъ разрѣшенъ и переселенцы останутся тутъ. Чумановъ — богатый мужикъ, на заимкѣ имѣетъ хорошій, двухъ-этажный домъ, пасѣку, много скота. Все это ему жалко „нарушать“, и онъ злобствуетъ на непрошенныхъ сосѣдей. Заимка его такъ расположена, что скотинѣ шрамковцевъ на ея земли „никакъ невозможно“ не попасть, и тутъ-то чаще всего и происходятъ „поимки“ скота, а нерѣдко и драки у шрамковцевъ съ свинцовскими и чумановскими.

Противъ Чуманова шрамковцы чувствуютъ себя особенно безсильными, во-первыхъ, потому что онъ „за-одно съ свинцовскими“, во-вторыхъ, потому что на его заимку часто пріѣзжаетъ въ гости волостной писарь, съ которымъ Чумановъ „все можетъ“. Тяжелый повседневный опытъ убѣдилъ ихъ въ этомъ.

Случился какъ-то въ поселкѣ чиновникъ, пріѣхавшій изъ города и съ утра сидѣвшій на улицѣ за работой, окруженный толпой переселенцевъ. Тутъ же вертѣлись волостной писарь и нѣсколько свинцовскихъ крестьянъ. Съ мѣста работы хорошо

была видна Чумановская заимка, вдругъ привлекая къ себѣ вниманіе толпившихся у стола переселенцевъ.

— Ишь, опять разбойствуютъ! — послышалось въ толпѣ сдержаннымъ полушопотомъ.

— И не говори, парень...

— Чтò тамъ такое? — поинтересовался чиновникъ.

— Да, вонъ, чумановскіе опять... неопредѣленно отвѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ.

На лугу, за Чумановской заимкой можно было видѣть нѣсколько человѣкъ, бывшихъ кого-то, кого у нихъ старалась отнять женщина; криковъ, за дальностью разстоянія, слышно не было. Ближе этой толпы, по направленію къ заимкѣ, парень гналъ пару лошадей.

Чиновникъ распорядился, чтобы изъ поселка послали объѣздчика прекратить драку. Черезъ нѣкоторое время послышались шумъ и крики толпы, которая направлялась къ столу чиновника. Впереди, безъ шапки, съ всклооченными волосами, въ изорванномъ полушубкѣ и съ окровавленнымъ лицомъ шелъ переселенецъ, бережно поддерживая одной рукой другую, завернутую въ полушубокъ. Рядомъ съ нимъ шла и „голосила“ растрепанная женщина. Толпа состояла изъ двадцати-тридцати переселенцевъ и старожиловъ. Среди послѣднихъ видна была и благообразная фигура старика Чуманова, съ длинной бородой, почти совсѣмъ сѣдой, и узкими, глубоко прятавшимися глазами.

Изъ разспросовъ выяснилось, что избитый мужикъ и его жена — переселенцы Шрамковскаго поселка. Ихъ лошади попали въ чумановскій лугъ; когда они побѣжали выгонять коней, на лугу ихъ настигли чумановскіе работники и избили, если не при участіи, то въ присутствіи самого Чуманова.

— Развѣ можно такъ бить человѣка! — негодуетъ чиновникъ, указывая на переселенца съ обезображеннымъ и окровавленнымъ лицомъ, уродливо вздувшейся губой, полузакрытымъ глазомъ и спекшимися отъ крови волосами; съ лѣвой руки капала кровь и одежда была также въ крови.

— Помилуйте, вашескородіе, — отвѣчалъ Чумановъ: — можетъ ли это быть, чтобы, къ примѣру, мы теперь стали на глазахъ вашей милости этакъ бить человѣка? Кто же этому повѣритъ!

— Пустое это они говорятъ на насъ, — поддержалъ Чуманова другой старожилъ, его работникъ: — по злобѣ, значить, что его кони въ „протравѣ“ были, а мы ихъ загнали; вотъ они и досаждуютъ на насъ, да еще начальству жалуются, что избили ихъ.

Въ виду столь категорическаго заявленія, чиновникъ съ изумленіемъ спросилъ переселенца, кто же билъ его съ женою.

— Да вотъ они же и били, — указаль тотъ на только-что говорившаго и нѣсколькихъ мужиковъ. — Мы, какъ увидали коней въ лугу, побѣгли выгонять ихъ, а Чумановъ съ работниками ужъ загоняетъ ихъ. Одного-то коня я поймалъ и за поводокъ держалъ вотъ этой рукой, не пускалъ, — такъ меня Чумановъ-то самолично стягомъ по рукѣ ударилъ, вотъ по этому самому мѣсту, расшибъ руку-то вовсе, я и поводокъ опустилъ... Потомъ бить меня зачали, повалили на землю... Баба стала отнимать-было, ее оттащили, да плюхи двѣ и ей поднесли...

Баба громко всхлипывала, утирая глаза и ротъ концомъ головного платка.

— Какъ мужа-то мово повалили, я только...

— Не вѣрьте имъ, вашескородіе, врутъ все они, — перебилъ бабу Чумановъ, съ улыбкой глядя на побитаго переселенца. — Кому пришла нужда бить его? Пустое болтаютъ! Это онъ, вашескородіе, по насѣрдѣ на нашихъ несетъ... Не слушайте его — никто его не трогаль... Коней точно загнали, а бить не били...

— Такъ кто же его все-таки избилъ? — вновь спрашиваетъ чиновникъ, обращаясь уже къ Чуманову и другимъ старожиламъ.

— А такъ, значить, вашескородіе, что и никто, — отвѣчаетъ Чумановъ, продолжая едва замѣтно улыбаться. — Потолкать его, „двистительно“, потолкали мало-мало, ну, а бить не били, надо правду сказывать.

— Какъ не били? А почему же онъ весь въ синякахъ и въ крови? — начинаетъ горячиться чиновникъ. — Ты чего дурака-то валять пришелъ сюда? Кто его избилъ, спрашиваю тебя?

— А такъ надо обсказать, вашескородіе, что и никто не билъ, а онъ самъ себя поцарапалъ, чтобы показаться вашей милости въ такомъ, значить, видѣ: поглядите, молъ, что дѣлаютъ надъ нами старожители... Надо прямо говорить — вредный мужиченко, сумнительный!.. Пустое болтаетъ!

— Они завсегда такъ, — развиваетъ мысль Чуманова свинцовскій мужикъ: — исцарапаетъ себѣ морду, либо болячку какую сколупнетъ, искровянитъ себя всего и идетъ жалиться къ начальнику, который ежели прїѣдетъ въ поселокъ: — меня, молъ, старожители избидѣли... А кто его обиждалъ? никому онъ не нуженъ... Только и было всего, что евоныхъ коней загнали...

— Это какъ есть, — слышится въ толпѣ старожилковъ.

Чиновникъ возмущенъ. Переселенецъ съ искаженнымъ отъ боли лицомъ покачиваетъ избитую руку. Его жена плачетъ.

Молчать другіе переселенцы; молчать и старожилы. Чумановъ по прежнему стоитъ спокойно, поглаживаетъ свою сѣдую, апостольскую бороду и щурить глаза.

— Позвольте разъяснить вашему высокоблагородію, — говоритъ писарь, подходя къ столу и изгибаясь: — много у нихъ тутъ грѣха бываетъ, частовременно и въ волость приходятъ жаловаться другъ на друга — тотъ того избидѣлъ, другого побили или еще какое озорство сдѣлали... Только вѣрить имъ не приходится, — очень ужъ, повѣрите ли, изолгался народишко, — такъ изолгался, что и сказать нельзя! Я ужъ на нихъ достаточно наглядѣлся...

Вечеромъ того же дня переселенцы говорили чиновнику:

— Давѣ сами изволили видѣть, что Чумановъ дѣлалъ... Окажите, вашескорodie, милость, подайте намъ руку-помощь! Ежели они такъ поступаютъ при вашей милости, что же они безъ васъ-то дѣлаютъ, хоть бы тотъ же Чумановъ! Чистое разбойство, не знаемъ, какъ и жить будемъ дальше...

— Жалуйтесь въ волость! — посовѣтовалъ чиновникъ.

— Жаловались, да толку-то что? только и есть, что въ холодной посидишь. Въ волости-то за столомъ тотъ же Чумановъ сидитъ, да писаришка энтотъ съ имъ же, да еще старшина — всѣ за-одно. Въ волостѣ какая ужъ правда!..

— Ну, жалуйтесь „особому“.

— Были и у особаго — и тоже ничего, на ихнюю же сторону норовить... Рассейскихъ-то особый, сказываютъ, шибко не любить — „бродяги, говоритъ, они, а не люди!“... А мы какіе же, вашескорodie, бродяги, сами посудите! Того же государя дѣтки, что и старожители...

Чтобы „мало-мало поучить шрамковскаго лапотника“, для этого не всегда требуется даже и поводъ въ родѣ „протравы“ и поимки переселенческой клячи въ свинцовской „гранѣ“. Иногда „ученье“ упрощается до послѣдней степени.

Поѣхали два шрамковца въ Пальчиковскій рудникъ за мукою. Дѣло было къ вечеру въ праздникъ. Въ Свинцовскомъ, черезъ которое переселенцы должны были ѣхать, у кабака собрался народъ — „пить не пили, а ласы точили“.

— Никакъ шрамковскіе лапотники ѣдутъ, — замѣтилъ одинъ изъ „старичковъ“, когда на улицу вѣхали двѣ переселенческія телѣги.

— Шрамковскіе и есть, — отвѣчаетъ другой.

Эти замѣчанія привлекли общее вниманіе праздной толпы къ приближающимся телѣгамъ.

— И за коимъ лѣшимъ ихъ, подлецовъ, носить тутъ? — слы-

шится изъ нея.—Ѣздили бы по степи, глаза бы мои не видали ихъ, варнаковъ.

— Степью бы и надо,—отзываются сочувственно.

Въ это время переселенцы поровнялись съ кабакомъ.

— Шрамковскіе?—кричитъ здоровенный мужичина, съ рыжей бородой, обращаясь къ ѣхавшимъ.

— Шрамковскіе, поштенный, шрамковскіе...

— Куда понадобилось ѣхать эку пору?—спрашиваютъ свинцовскіе, и нѣсколько человекъ подходитъ къ остановившимся телѣгамъ.

— Въ рудникъ,—хлѣба надобно купить завтра.

— Въ рудникъ! А какое полное право вы теперь можете ѣздить въ рудникъ черезъ наше селеніе? Вамъ кто указаль тутъ путь?—спрашивали свинцовскіе.

Переселенцы—въ недоумѣніи.

— Кто указаль? Никто—дорога потому, всѣ ѣздятъ...

— Всѣ, да не ты, косорылый чортъ! Всѣ ѣздятъ, а ты не моги!—вдругъ обозлился допрашивавшій мужикъ.—Занадобилось ѣхать, должонъ спроситься: дозвольте, старички, проѣхать вашей дорогой! Ты вотъ какъ дѣлай, балда российская!

— Да намъ что спрашивать? дорога большая, нешто можно заказать по ей ѣздить?—возражаютъ переселенцы.

— Вотъ ты попробуй другой разъ поѣхать, такъ узнаешь, можно либо нѣтъ! Тебѣ толкомъ сказываютъ: вамъ, шрамковцамъ, не смѣть тутъ ѣздить, ты и слухай, да другой разъ не ѣзди.

— Намъ гдѣ же ѣздить-то, коли не тутъ?

— Поѣзжай своей стороной, степью, значить, а къ намъ не моги—не пустимъ!

— Еще чего придумаете?—возразилъ съ передней телѣги переселенецъ, которому это требованіе показалось совсѣмъ уже дикимъ и ни съ чѣмъ несообразнымъ, и тронулъ лошадь возжами, чтобы ѣхать дальше.

— Да ты никакъ, парень, бѣжать отъ насъ вздумаль? Нѣтъ, стой! Давай обчеству выкупъ, потому ты по нашей дорогѣ ѣздишь, а мы должны потомъ за тебя дорогу править... Ставь угощенье!

Присутствующимъ эта мысль такъ понравилась, что они заступили переселенцамъ путь и также стали требовать „угощенья“.

— Ничаво, ставь да и все!

Переселенецъ возмутила такая наглость.

— Да вы что это—разбойничать зачали, что-ли, среди-то

деревни?—крикнулъ одинъ изъ нихъ, понукая лошадь.—Пусти, говорю! Ну!

—Такъ ты этакъ разговариваешь!? Тащи, ребята, его съ телѣги!..

Нѣсколько человѣкъ бросилось „тащить“ сопротивлявшихся переселенцевъ; произошла драка, въ которой и избили шрамковцевъ. Съ лошадей хомуты снимали, въ телѣгахъ порубили колеса, да еще въ холодной сутки продержали избитыхъ. Жалобы шрамковцевъ ни къ чему не повели, но съ этого времени они избѣгаютъ ѣздить черезъ Свинцовское.

Источникомъ такого отношенія старожиловъ къ переселенцамъ вновь возникающаго поселка являлись не только повседневныя столкновения тѣхъ и другихъ, не только чрезмѣрная близость сосѣдства неизвѣстно откуда взявшихся людей, чуждыхъ и по обычаямъ, языку, даже по одеждѣ и чисто внѣшнимъ чертамъ. Можетъ быть, гораздо больше приходится отнести въ этомъ случаѣ на счетъ прошлаго Свинцовскаго селенія и еще болѣе—прошлаго всего края. На этой чертѣ стоить остановить вниманіе.

Дергачевская степь или, какъ чаще ее называютъ мѣстные жители, Дергачи, гдѣ засѣли Шрамковъ и другіе переселенцы, еще недавно была „вольной“, и пользованіе ею для старожиловъ немногихъ селеній по р. Краснухѣ не сопровождалось никакими дополнительными платежами, въ видѣ аренды и пр., которые вытекали бы изъ самаго факта пользованія. „Паши, гдѣ хочешь“—вотъ краткая формула, въ которую весьма удобно укладывались отношенія къ Дергачамъ старожиловъ при-краснухинскихъ селеній, а въ томъ числѣ и Свинцовскаго. Мало кто пахалъ въ то время, — больше возили руду, уголь да дрова на рудники и заводы; а кто пахалъ, тотъ ѣздилъ на степь верстъ за тридцать-пятьдесятъ, бывало—и за стс; пашни же въ десяти-пятнадцати верстахъ считались уже близкими. Да и пахали не помногу — „хватило бы хлѣба для себя да овса для коней“. Хозяйство держалось главнымъ образомъ на скотоводствѣ, чему много способствовало обиліе луговъ по Краснухѣ, превосходная пастбища на степи да то, что скотоводство почти не требовало мужского труда, который цѣликомъ уходилъ на заводскія работы по доставкѣ руды и угля. Прикраснухинскіе крестьяне, какъ и всѣ крестьяне того времени въ краѣ, были приписаны къ мѣстнымъ горнымъ заводамъ и рудникамъ, на которыхъ обязаны были отбывать извѣстныя работы. Земли тогда никто не цѣнилъ и не жалѣлъ.

— Чего ее жалѣть?—еще недавно говорили старожилы:— у Господа ее, матушки, достаточно, на всѣхъ хватить!

Новѣйшія времена, однако, показали, что это не совсѣмъ такъ.

„Обязательный трудъ“ отошелъ въ вѣчность, но крестьяне еще нѣкоторое время держались за прежніе промыслы по доставкѣ угля и возкѣ руды. Но съ уничтоженіемъ крѣпостныхъ отношеній начало падать и все горное дѣло въ краѣ, постепенно сокращаясь, пока не прекратилось совсѣмъ. Параллельно этому шло и паденіе крестьянскихъ промысловъ—возки руды и доставки угля. Крестьяне вынуждены были все болѣе налегать на землю, взявшись за соху, хотя сначала и съ большой неохотой. Отношеніе къ землѣ теперь было уже далеко не то, что въ предшествовавшей періодъ: ее начали цѣнить.

На ряду съ этимъ процессомъ наблюдалось и другое явленіе. По сибирскимъ дорогамъ вдругъ откуда-то потянулись толпы голодныхъ, съ кучей ребячь на рукахъ, російскихъ переселенцевъ, которые „зачали зѣмли искать, что, значить, плохо лежать“... Много было по Сибири такихъ, по остроумному опредѣленію самихъ крестьянъ, плохо лежащихъ земель, много ихъ было и въ нашемъ углу. Но велика, почти ненасытна была „жадность“ къ нимъ этихъ истомленныхъ, жалкихъ лапотниковъ, количество которыхъ съ каждымъ годомъ росло въ Сибири, и къ которымъ старожиловская Сибирь относилась съ несправедливымъ презрѣніемъ за ихъ нищету, грязь и лапти. Появились они и на Дергачахъ и, какъ „столбовые пахаря“, быстро оцѣнили, конечно, всѣ достоинства этой степи, на сотни верстъ „въ пустѣ лежащей“, лишь кое-гдѣ пестрѣвшей немногими полосками старожиловскихъ пашень. И на степи начали, какъ грибы, расти переселенческіе поселки, а черезъ немного лѣтъ они непрерывной цѣпью растянулись по ту сторону степи, противъ Прикраснухинскихъ селеній. И всѣ эти „російскія деревни“ получили въ свое распоряженіе огромные участки земли, вырѣзанные изъ степи. На каждый участокъ приходилось пятнадцать-двадцать тысячъ десятинъ превосходнѣйшей земли. Недавнее степное приволье стало быстро, словно по волшебству, исчезать, на глазахъ таять.

Прикраснухинскіе старожилы все это видѣли, но пока мало беспокоились, такъ какъ поселки возникали хотя и на ихней землѣ, но настолько далеко, что рѣдко кто изъ хозяевъ заходилъ со своей сохой туда. Пока они только удивлялись: откуда валить „такая сила“ этихъ російскихъ? Быстро, однако, ихъ

изумленіе перешло въ тревогу, временами осложнявшуюся злобой, которую вызывало какое-нибудь частное столкновеніе съ переселенцами. Старожилы очень скоро разглядѣли въ переселенцѣ, этомъ забитомъ, едва прикрытомъ лохмотьями человѣкѣ съ покорностью во взорѣ и всей фигурѣ—врага окружающаго ихъ приволья, врага, который въ концѣ концовъ приберетъ къ своимъ крѣпкимъ рукамъ не только „плохо лежащую въ казнѣ“ землю на степи, но, пожалуй, захватитъ и тѣ земли, что старожилы имѣютъ въ своихъ „дачахъ“, которыми они пользуются по „плантамъ“, имъ хорошо извѣстнымъ. Въ подтвержденіе возможности, даже необходимости такого конца, текущая дѣйствительность приносила имъ все новые факты о происходящихъ въ другихъ селеніяхъ столкновеніяхъ съ переселенцами, причемъ эти еще недавно смиренные лапотники производили захваты старожиловскихъ земель, а то и совсѣмъ выживали самихъ старожиловъ, и количество такихъ фактовъ чуть не ежедневно возрастало.

Все это также увеличивало въ глазахъ старожиловъ значеніе земли, къ которой онъ еще недавно былъ столь равнодушенъ, и заставляло его дорожить ею. Переселенцы, столь „жадные“, по опредѣленію старожиловъ, къ землѣ, показали имъ на примѣрѣ, что земля имѣетъ гораздо большую цѣнность, чѣмъ до сихъ поръ думали старожилы, что при извѣстныхъ условіяхъ затрачивать на нее трудъ гораздо выгоднѣе, чѣмъ на рубку заводскихъ дровъ и пр. Изъ старожиловъ стали выдѣляться отдѣльныя хозяйства „могучихъ мужиковъ“, по примѣру переселенцевъ взявшіяся вплотную за соху и заводившія такія же обширныя запашки, какъ и тѣ. А такъ какъ и переселенческое, и старожиловское, сколько-нибудь крупное хозяйство велось главнымъ образомъ на цѣлинахъ, то вскорѣ же обнаружилось своеобразное „утѣсненіе“ въ старожиловскихъ дачахъ: для „богатенькихъ“ ужъ не вездѣ хватало цѣлинныхъ земель, и они обратили свои взоры на степи, на тѣ самыя „пустолежащія земли“, къ которымъ они еще недавно относились презрительно. „Что въ ей толку—одна сухмень“,—говорили они,—но переселенцы показали, что эта „сухмень“ даетъ превосходные урожаи лучшихъ сортовъ пшеницы. Эти степи для краснухинскихъ старожиловъ явились запаснымъ фондомъ, къ которому они въ лицѣ своихъ богатѣевъ и обращались по усмотрѣнію. За такое пользованіе они по прежнему не платили аренды, потому что эти земли они „изъ вѣку занимали“, т. е. пасли на нихъ скотъ, а изрѣдка и „припахивали“.

Но цѣнить степи стали не только прикраснухинскіе крестьяне, а и ближайшее „подземельное“ начальство, убѣдившееся также изъ ежедневныхъ фактовъ, что степь пригодна не только для того, чтобы по ней руду да уголь возить на заводы, но и для того, чтобы „припускать“ къ ней російскаго лапотника: онъ за нее будетъ давать деньги, и станутъ приносить эти „въ пустѣ лежащія“ земли, еще вчера „не стоившія вниманія“, доходу больше, чѣмъ тотъ же Пальчиковскій рудникъ, кромѣ убытку, ничего не дававшій. Такимъ образомъ возникла аренда, которой подлежали всѣ пользовавшіеся „степью“. Но новый порядокъ, которому не могли сочувствовать тѣ, кто ближе всего былъ заинтересованъ въ пользованіи землею, т.-е. крестьяне, прививался плохо, и дѣло, что называется, „валило черезъ пень-колоду“. вляло, неувѣренно, съ отступленіями и колебаніями. Долго все велось „по старинкѣ“, и „рѣденькій“ соглашался платить аренду— на иное большое селеніе находился одинъ такой чудакъ. Но времена все-таки измѣнчивы: пріѣхалъ новый „рендатель“ и круто „все повернулъ по своему“.

— Я васъ, мерзавцевъ, приведу въ христіанскую вѣру!— говорилъ онъ прикраснухинскимъ мужикамъ, когда тѣ на его требованіе уплатить аренду говорили, что степь „исконвѣшная ихняя“, да что у общества есть изъ губерніи „бумага“ и т. п.

Но „мерзавцы“ продолжали отлынивать отъ платежей. На нихъ составлялись протоколы, которые начинали путешествовать по инстанціямъ, взыскація затягивались въ безконечность, а распашки все продолжались. Мужики посмѣивались, видя бесплодность усилій рендателя „обратить ихъ въ христіанскую вѣру“.

— Ничего, пусть покричитъ баринъ, — говорили они:— поживетъ съ нами—обнатурится!

Но „баринъ“ не захотѣлъ „обнатуриться“ и рѣшилъ употребить переселенцевъ, какъ своеобразное орудіе „обращенія“. Приѣмъ оказался очень простымъ. Пріѣзжаетъ чиновникъ въ деревню, собираетъ мужиковъ.

— Предписано съ васъ аренду взискать, платите, — объясняетъ онъ собравшимся.

— Кубыть не за што, вашескородіе, потому мы казеннымъ ничѣмъ не занимаемся.

— На Дергачахъ пашете—за эту землю и платите.

— Помилуйте, вашескородіе, да за што же? Да мы на Дергачахъ теперъ исконовѣшные пахаря, и никогда съ насъ взыска не было...

И такъ далѣе.

— Такъ не будете платить?—спрашиваетъ въ десятый разъ чиновникъ.

— Да мы отчего, вашескородіе, не хотимъ! Только платить-то не за что, потому она, пашня то-ись, исконвѣшная наша, какъ еще, можетъ, тутъ дѣдушки селились, все наша.

— Ну, я съ вами больше разговаривать не стану... Не хотите платить—ваше дѣло, а я тутъ посажу переселенцевъ—они будутъ платить, да еще и благодарить меня станутъ.

— Мы не можемъ указывать, что вашему скородию дѣлать надлежитъ. Только взыску съ насъ никогда не было.

— Смотрите, потомъ жалѣть будете,—убѣждаетъ ихъ чиновникъ,—да поздно.

— Намъ что жалѣть,—какъ начальство... Мы не супротивники... А что, дѣйствительно, дергачевская пашня споконвѣшная наша—это и каждый скажетъ, спросите, кого желаете... А платить намъ не приходится...

Въ результатѣ, на „исконвѣшной“ землѣ появляются въ качествѣ арендаторовъ переселенцы, которые не только рады „платить“, но, дѣйствительно, еще и „благодарятъ“. Чтобы сохранить свои пашни отъ перехода въ руки переселенцевъ, начинаютъ понемногу платить и старожилы. Пройдетъ извѣстное время, и, смотришь, „обращеніе“, дѣйствительно, состоялось, притомъ самое реальное, выразителемъ чего является возвысившаяся доходность степи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ надолго испорчены отношенія между старожилами и переселенцами. Гдѣ оказывалось удобнымъ, тамъ арендные переселенческія заимки превращались сначала въ арендные поселки, а затѣмъ имъ „нарѣзались участки“, и селеніе становилось „новымъ переселенческимъ поселкомъ“.

Такъ именно и возникли всѣ эти Григорьевки, Гусевки, Сапожкины-пади, Красноярки и многіе другіе поселки, которыми пестрятъ теперь Дергачи.

Какъ мы уже знаемъ, тѣмъ же путемъ образовался и Шрамковскій поселокъ, „подъ носомъ“ у селенія Свинцовскаго.

Кромѣ общихъ причинъ, это селеніе имѣло и нѣкоторыя частныя свои причины быть недовольнымъ появленіемъ на „ихъ степи“ переселенцевъ. Обладая собственной обширной дачей, свинцовскіе крестьяне имѣли относительно мало удобныхъ для хлѣбопашества земель, и отсутствіе хорошихъ пашень давало себя чувствовать. Этимъ объясняется, почему почти всѣ свинцовскіе пахаря перенесли свою дѣятельность за рѣку, на степь,

гдѣ широко и развернули свои силы. Немного было этихъ пахарей, но все народъ крупный: одинъ запахивалъ болѣе 100 десятинъ, другой—десятинъ 80, не меньше того третій, и т. д. Вотъ этимъ-то „могучимъ мужикамъ“ и было особенно невыгодно появленіе въ степи переселенцевъ, которые должны были сократить ихъ хозяйственный размахъ. Они главнымъ образомъ и воодушевляли своихъ односельчанъ на сопротивленіе, разжигали въ нихъ страсти и натравливали на шрамковцевъ.

Во главѣ общества стала небольшая кучка зарѣчныхъ пахарей, человѣкъ пять-шесть, можетъ быть, но все народъ съ большимъ характеромъ, настойчивостью и умѣньемъ вліять на окружающую среду. Спокойные, выдержанные, умные, но холодные и жесткіе, они могли бы служить превосходными образцами того типа сибирскаго крестьянина, который въ нашей литературѣ нерѣдко смѣшивался съ сибирскимъ крестьяниномъ вообще. Самой крупной фігурой въ этой небольшой сплоченной кучкѣ свинцовскихъ воротилъ былъ Алексѣй Тимофеевичъ Шадринъ, крѣпкій старикъ, имѣвшій не менѣе ста двадцати десятинъ запашки, десятковъ семь-восемь лошадей, до полусотни коровъ, и т. д. Ясно, что для него подчиненіе какому-нибудь пятнадцати-десятинному надѣлу было, по меньшей мѣрѣ, невыгодно, если не прямо разорительно. Добровольно онъ согласился бы уступить шрамковцамъ лишь въ томъ случаѣ, еслибы ему было очевидно, что его хозяйство съ переносомъ въ собственную дачу не понесетъ крупныхъ ущербовъ, какіе неизбежно влечетъ за собой сокращеніе хозяйства. И онъ является однимъ изъ яростнѣйшихъ противниковъ шрамковцевъ, увлекая за собою другихъ. Обладая большимъ умомъ, онъ съумѣлъ такъ повести дѣло, что интересы его и зарѣчныхъ пахарей свинцовское общество искренно смѣшивало долгое время со своими собственными и грудью защищало ихъ отъ опасности, угрожавшей имъ со стороны шрамковцевъ. Нужно было много мѣсяцевъ тяжелой борьбы, насилій, ссоръ и столкновеній съ сосѣдями-переселенцами, чтобы могъ разсѣяться этотъ самообманъ.

Другая особенность въ положеніи селенія Свинцовскаго заключалась въ томъ, что его жителямъ, дѣйствительно, было разрѣшено высшей администраціей въ краѣ пользоваться нѣкоторою частью дергачевской степи „впредь до особаго распоряженія“, о чемъ не зналъ „рендатель“, и не хотѣлъ вѣрить, когда ему говорили объ этомъ крестьяне. Водвореніе при такихъ условіяхъ Шрамковскаго поселка возлѣ самаго селенія носило, въ

глазахъ свинцовскихъ, характеръ двойного нарушенія ихъ интересовъ, матеріальныхъ и правовыхъ.

Все это, вмѣстѣ взятое, если и не измѣняло самого характера отношеній свинцовскихъ къ переселенцамъ, во всякомъ случаѣ дѣлало болѣе упорнымъ ихъ сопротивленіе, болѣе страстнымъ и жестокимъ, чѣмъ это могло бы быть при иныхъ условіяхъ.

Внутренняя жизнь поселка складывалась независимо отъ военныхъ дѣйствій съ сосѣдями, и нужно признать, что для многихъ и многихъ шрамковцевъ тяжела была эта жизнь. Какъ они ее переносили да еще имѣли достаточно бодрости, чтобы смотрѣть впередъ съ надеждой,—это вопросъ, на который только и можно отвѣтить, что человѣку, когда у него болѣе уже ничего нѣтъ, когда онъ дошелъ до послѣдней крайности, далѣе которой лишь гибель или самоуничтоженіе, только и остается, что надѣяться... на что? Это уже зависитъ отъ многихъ частныхъ причинъ. Надежды шрамковцевъ были неопредѣленны и спутаны, но сильны и ярки и вращались болѣе около сытости—какой-то особенной, еще невиданной, но заманчивой и соблазнительной.

Огромное большинство шрамковцевъ пришло въ поселокъ осенью, и многіе изъ нихъ не успѣли на зиму не только запастись хлѣбомъ—такихъ, можетъ быть, было девять-десять,—но и устроить себѣ какое-нибудь жилище, хотя бы примитивныя землянки-норы, нерѣдко служащія переселенцамъ чѣмъ-то въ родѣ логова въ первые годы ихъ жизни въ Сибири. Не имѣя ни хлѣба, ни собственнаго крова, всѣ такіе жители поселка вынуждены были вести голодное существованіе нищаго, питающагося именемъ Христовымъ среди почти такихъ же нищихъ, какъ онъ самъ. Кому силы и здоровье позволяли, тотъ ушелъ побираться по другимъ переселенческимъ поселкамъ, уже поокрѣпшимъ, или же нанимался за одну-двѣ десятины снова въ работники; остальные же оставались „дома“ и „бились по квартирамъ“ земляковъ, въ берлогахъ, крыша которыхъ нерѣдко промерзала, образуя внутри постоянную наледь, отчего внутри почти не было свѣта, стоялъ густой паръ отъ дыханія, пропрѣвшей одежды и сочившейся съ крыши воды, гдѣ было и самимъ тѣсно до тошноты и головокруженія въ этомъ вонючемъ, отравленномъ воздухѣ. Въ такихъ-то норахъ „набивалось“ человѣкъ по десяти, пятнадцати и болѣе „новоселовъ“, и жили они, мѣсяцами не снимая одежды, валяясь въ грязи, нерѣдко пораженные недугомъ, съ напряженной мучительной думой о вѣчно пустомъ желудкѣ, своемъ и своихъ близкихъ.

Болѣзни возникли среди шрамковцевъ едва ли не съ первыхъ дней появленія ихъ самихъ въ поселкѣ: лихорадка, тифы, цынга, поносы, разнообразныя глазныя страданія почти не переводились, лишь по временамъ ослабѣвая или, напротивъ, развиваясь чуть не въ поголовную эпидемію. За первый годъ существованія поселка рѣдкая семья не имѣла одного-двухъ покойниковъ въ домѣ. Особенно много гибло дѣтей; немало ихъ оставалось и круглыми сиротами, которыхъ „подбирали добрые люди“. Свирѣпствовавшій весною тифъ поражалъ, случалось, поголовно всѣхъ обитателей иного „дворца на трехъ жердяхъ“, и больные оставались брошенными на произволь судьбы: хорошо—заглянетъ кто изъ сосѣдей, хотъ напитокъ дать, а то и такъ остаются и день, и другой. Много народу покальчила цынга, трахома, но всего болѣе унесено въ могилу дѣтей, которыя умирали не только отъ поносовъ, кори, „горлышка“ и пр., но и отъ какихъ-то другихъ причинъ, которыя такъ опредѣляются шрамковскими бабами:

— Господь его знать, что съ нимъ такое приключилось: какъ будто и здоровенькій все былъ, а тутъ—на тебѣ!—покричалъ-покричалъ, да и отдалъ душу Богу! Его святая воля!—прибавляли онѣ, вздыхая.

По мѣрѣ роста поселка, росло невдалекѣ отъ него и кладбище, рыть могилы на которомъ шрамковцы стали почти одновременно съ рытьемъ землянухъ для самихъ себя. Но скоро ростъ погоста, этого поселка мертвыхъ, даже обогналъ ростъ поселка живыхъ, служа какъ бы укоромъ кому-то.

— По другимъ деревнямъ,—иронизировали шрамковцы,—начальство все пужало народъ холерой: придетъ холера, помирать будете, коли назъмовъ не уберете! А у насъ хуже холеры, только къ намъ пошто-то никто не ѣздилъ, когда у насъ народъ помирать да кажинный день таскали нѣсколько упокойниковъ!..

За первый годъ существованія поселка, т.-е. за время наибольшаго развитія въ немъ различныхъ эпидемій, когда переселенцы „пухли съ голодухи“, а можетъ быть, и умирали голодной смертью,—за все это время онъ былъ предоставленъ исключительно своимъ собственнымъ силамъ, энергіи и способности изворачиваться. И онъ изворачивался, усиленно таская на кладбище „мертвяковъ“, судорожно корчась отъ голода и боли и въ то же время мечтая о соблазнительной сытости въ ближайшемъ же будущемъ.

Внѣшній порядокъ въ поселкѣ попрежнему поддерживался Шрамковымъ, который вмѣстѣ съ Портянкинымъ и нѣсколькими

болѣе вліятельными переселенцами верховодили, какъ имъ хотѣлось. „Для начальства“ ими былъ выбранъ „какъ бы въ родѣ старосты“ безотвѣтный мужичокъ изъ числа тѣхъ, которые, не пользуясь никакимъ вліаніемъ въ обществѣ, тянутъ общественную ляжку безропотно, какъ бы ни рѣзала она имъ плечи. За спиною этого-то „старосты“ Шрамковъ съ братіей и орудовали.

— Онъ у насъ и совсѣмъ бы староста, да только вотъ ему печати отъ начальства все не выходитъ,—разъяснялъ Шрамковъ.

Ближайшее начальство, по временамъ наѣзжавшее въ поселокъ, хорошо понимало роль „какъ бы старосты“ безъ „печати“ и совершенно игнорировало его, видя въ Шрамковѣ настоящаго представителя поселка; къ нему за всѣмъ и обращалось.

Какъ ни сильна и обширна была фактическая власть надъ поселкомъ Шрамкова, но и ему временами было трудновато бороться со многими внутренними неурядицами, вызываемыми общей неопредѣленностью положенія поселка и разношерстностью его жителей,—„разногуберщиной“, какъ характеризовали эту черту сами переселенцы.

— Насъ теперь собралось тутъ разнаго народу съ семнадцати губерній... Каждый норовитъ тянуть на свою сторону... Всѣхъ не урезонишь тоже... Вотъ и выходитъ у которыхъ склока промежду себя—хлопота одна съ ними! Одно слово—разногуберщина! —объясняли переселенцы слабость сознанія единства и общности интересовъ поселка, разбивавшагося на множество мелкихъ группъ, обособленныхъ частными интересами землячествъ.

Еще въ первую осень небольшая группа харьковскихъ хохловъ не поладила съ пастухами-киргизами, что пасли шрамковский табунъ, и хохлы ихъ „мало-мало плетьми подрали“. Пастухи послѣ этого, естественно, бросили табунъ и ушли, а черезъ нѣкоторое время стали наблюдать пропажу лошадей, что на слѣдующій годъ достигло колоссальныхъ размѣровъ—„у рѣденькаго, злодѣи, не увели коня либо двухъ“. Многіе обвиняютъ въ этомъ свинцовскихъ, которые-де воруютъ черезъ киргизъ; то же утверждаютъ и хохлы, дравшіе пастуховъ. Другіе же въ систематическомъ воровствѣ лошадей видятъ месть пастуховъ и винятъ хохловъ въ своихъ злоключеніяхъ. Старожилы категорически утверждаютъ, что тутъ все дѣло въ мести.

— Киргизы заставляютъ поминать прошлое, чтобы, значить, вѣкъ не забыли, какъ пастуховъ плетьми драть! —злорадствуютъ они.

По другимъ деревнямъ той же мѣстности о конокрадствѣ не слышать, хотя табунщиками всюду киргизы.

Проявленія розни переселенцевъ на почвѣ „разногуберщины“ бываютъ иногда поистинѣ дики и жестоки! Въ поселкѣ проживало десятка три-четыре семей мордвы, почти не знавшихъ русскаго языка, сохранившихъ свои костюмы и пр. Рѣзко выдѣляясь, благодаря этимъ особенностямъ, на общемъ фонѣ пестраго состава населенія поселка, эти тридцать-сорокъ семей сдѣлались какъ бы козломъ отпущенія для поселка: что бы ни случилось, такъ или иначе остается виноватой мордва.

Не мало возникало столкновений и недоразумѣній и между хохлами и великороссами, православными и раскольниками, и т. п., что требовало сторонняго вмѣшательства, улаживанья и пр., съ чѣмъ и приходилось возиться Шрамкову.

При всѣхъ неурядицахъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, при всей неопредѣленности самаго положенія поселка и проблематичности его будущаго, его ростъ неуклонно продолжался, какъ въ смыслѣ численности—подходили и селились все новыя и новыя семьи „жаждущихъ земли“,—такъ и въ смыслѣ болѣе прочнаго хозяйственнаго уклада. Къ слѣдующей осени поселокъ измѣнился уже почти до неузнаваемости даже съ чисто-внѣшней стороны. Широкия улицы и переулки дѣлили его на правильные кварталы съ площадями для будущаго базара, церкви и школы. Землянки-норы въ большинствѣ замѣнились чистенькими хатками, сложенными изъ земляныхъ пластовъ или саманныхъ кирпичей, побѣленными известью или обмазанными красной глиною, съ соломенными, аккуратно подстриженными крышами. Постройки размѣстились просторно и привольно, и лишь на окраинахъ по прежнему еще торчали жердяныя крыши землянокъ-норъ.

Переживъ тяжкую зиму и не менѣе тяжкую весну, къ осени большинство прошлогоднихъ шрамковцевъ уже имѣло *свой* хлѣбъ: кто лично „припахалъ десятинку“, кто заработалъ ее, сдавъ на зиму въ работники сына, а кто и купилъ, запродавъ свой трудъ впередъ или трудъ кого-нибудь изъ своихъ семейскихъ. „Заправился“ поселокъ и сѣномъ, арендовавъ луга „въ казнѣ“, въ дачѣ Пальчиковскаго рудника, съ уплатою денегъ зимою. Кто могъ, обзаводился и скотиной; появились въ поселкѣ и коровы, и овцы. Около домовъ виднѣлись огороды!

Видно было, какъ крѣпнетъ поселокъ экономически, съ каждымъ днемъ все прочиѣе становясь на ноги. Даже многія неприятныя черты „разногуберщины“ стали сглаживаться и исчезать совсѣмъ, чему отчасти способствовало и то, что изъ поселка вся мордва ушла. Во многомъ уже можно было подмѣ-

тить зарожденіе болѣе тѣсной внутренней связи между жителями поселка, столь необходимой для его будущаго.

Лишь правовое, правильнѣе сказать—безправное положеніе поселка оставалось прежнимъ, а пожалуй и еще болѣе неопредѣленнымъ, ухудшившимся. Въ полусотнѣ канцелярій скриѣли перья на благо или на гибель Шрамковскаго поселка; требованія отъ переселенцевъ выселенія шли параллельно съ предложеніями старожиламъ „принять въ свою среду“ шрамковцевъ; угрозы уничтожить поселокъ, построенный „на предоставленной крестьянамъ землѣ“, слышались въ то же время, когда свинцовскимъ крестьянамъ ставился ультиматумъ: или подчиниться арендѣ, или прекратить пользованіе землею на степи, и т. д.

Переселенцы не знали, чему вѣрить, кого слушать, но были убѣждены, что теперь, когда они „вывели этакое селеніе“, ихъ уже не потрогають, и оно такъ или иваче сохранится, если не какъ переселенческій поселокъ обычнаго типа, то какъ арендный, какихъ тоже не мало въ краѣ. Временами ихъ надежды на скорое упроченіе поселка вспыхивали ярче подъ вліяніемъ какихъ-нибудь слуховъ или заявленій заѣзжаго чиновника, или же, обратно, падали, почти угасая, когда откуда-то проносился слухъ, что въ губерніи рѣшено поселокъ уничтожить, или когда изъ Гадюкина пріѣзжалъ „особый“ и держалъ рѣчи къ старожиламъ на тему, что „они—его дѣтки, а переселенцы—пасынки“, почему онъ долженъ защищать первыхъ отъ злостныхъ поползновеній вторыхъ и не можетъ допустить существованіе Шрамковскаго поселка. Но эти моменты повышенія и пониженія чаяній скоро какъ-то сами собой забывались, повседневныя заботы вытѣсняли полученныя острия впечатлѣнія, и будничная жизнь снова вступала въ свои права.

Свинцовскіе старожилы также во многомъ измѣнились за истекшій годъ, хотя и съ трудомъ уясняютъ себѣ, что происходитъ кругомъ. И лучшіе, наиболѣе развитые изъ нихъ не могутъ уже не сознавать, что переселенцу земля необходима, что нельзя же въ ней отказывать человѣку, который безъ нея пухнетъ съ голоду и умираетъ. Это сознаніе и наблюденіе изо дня въ день, въ теченіе года трудовой, полной всевозможныхъ лишений жизни переселенцевъ, а главное, эта безконечная канцелярская волокита и сопряженные съ нею расходы (за десять мѣсяцевъ одинъ довѣренный обошелся свинцовскимъ около 800 р.)—все это вызвало въ настроеніи части свинцовскаго общества замѣтное измѣненіе въ пользу переселенцевъ. И теперь уже

можно было слышать такія рѣчи, шедшія изъ среды свинцовскаго общества:

— Да по мнѣ, шуть съ имъ, съ Шадринимъ или съ Хребовымъ! Онъ на степи посѣялъ, можетъ, двѣсти десятинъ, такъ ему есть изъ-за чего глотку на сходѣ драть, а намъ-то что въ ей, въ степи? И вовсе она намъ ни къ чему; у насъ, почитай, ни у кого, кромѣ богатенькихъ, тамъ и нѣтъ ничего. За каку же таку, прости, Господи, язвю я теперь должнъ изъ свою кармана платить-то? Теперь, что ни сходъ, то и раскладка,—то писарю надо, то довѣренному подай; тамъ, опять, Макаровъ требуетъ... Да поди ты къ лѣшему и со степью своей! Нужна она Шадрину да Рябиницу, пусть они и платятъ сами, а мы-то, братцы, съ чего должны уплачивать? и т. п.

Вліяніе Шадрина и другихъ „богатенькихъ“ замѣтно падало, и къ концу лѣта сходъ уже постановилъ на довѣреннаго больше денегъ не давать, сдѣлавъ еще одну попытку послать его въ городъ. Бойкотъ шрамковцевъ хотя и продолжался, но уже далеко не съ прежнимъ воодушевленіемъ и систематичностью,—на нарушеніе постановленій общества давно уже смотрѣли сквозь пальцы.

Вотъ почему, когда было получено извѣстіе, что окончательно рѣшено „поселокъ нарушить“, для чего будто бы пріѣдетъ самъ „особый“ съ народомъ, и когда было получено другое извѣстіе, что изъ Пальчиковскаго рудника „утресь поѣхали зорить Красноярку“—сосѣдній поселокъ, находившійся въ аналогичномъ съ Шрамковскимъ положеніи,—а оттуда пальчиковскіе явятся зорить шрамковцевъ,—эти извѣстія уже не произвели должнаго впечатлѣнія, и неспособны были вызвать у свинцовскихъ чувства удовлетворенной радости, какъ было бы нѣсколько мѣсяцевъ назадъ.

Тѣ же вѣсти достигли и Шрамковскаго поселка. Онѣ не вызвали въ переселенцахъ отчаянія, паники, а лишь настроеніе какого-то особаго молчаливаго и угрюмаго ожиданія: что-то будетъ? Перестали даже ходить на работу.

Но вотъ прошелъ день-другой... Появились откуда-то темные слухи, что „зорить поселковъ не будутъ“... Наконецъ, было получено и опредѣленное извѣстіе: Красноярку оставили на прежнемъ мѣстѣ, сломавъ только два балагана, поставленные за гранью, а что будетъ съ Шрамковскимъ поселкомъ—неизвѣстно,—„потому никакого еще рѣшенья не вышло“.

Легко и свободно вздохнули шрамковцы.

Прошло пять лѣтъ. Шрамковскій поселекъ окончательно окрѣпъ. Въ немъ уже много деревянныхъ домовъ, приступлено къ постройкѣ церкви. Дача ему отведена. Непріязненныя отношенія съ свинцовскими почти прекратились, и обѣ деревни чуть не слились въ одно огромное поселеніе—ихъ раздѣляетъ только мостикъ черезъ рѣку: свинцовскіе пашутъ на степи по прежнему, но уже въ Шрамковской дачѣ, за что шрамковцы пользуются у нихъ сѣнокосами. Благосостояніе поселка быстро растетъ, а его распахки раскидываются все шире и шире.

Только начавшіе уже темнѣть кресты на кладбищѣ напоминаютъ о бывшихъ тяжелыхъ дняхъ, пережитыхъ поселкомъ, да волостной писарь по старому „лютуетъ“ надъ шрамковцами.

С. Марусинъ.

